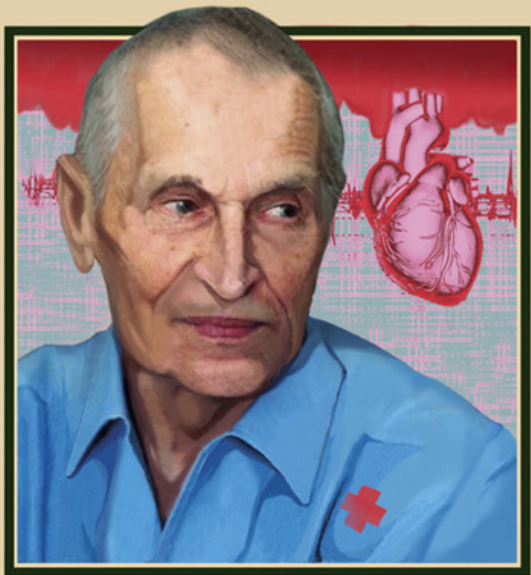

НИКОЛАЙ АМОСОВ

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

FOLIO

Мария Павловна Згурская Николай Амосов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4491142

Николай Амосов: «Фолио»; Харьков; 2010

Аннотация

Амосов – один из пионеров советской сердечно-сосудистой хирургии – оставил человечеству тысячи спасенных жизней, несколько десятков книг и свою знаменитую гимнастику. Хирург-кардиолог и специалист в области кибернетики, ведущий специалист в СССР по операциям на сердце за годы творческой деятельности провел свыше 6 тысяч операций на сердце, впервые в стране произвел протезирование митрального клапана сердца, создал и первым в мире стал использовать искусственные сердечные клапаны с покрытием. Его научные работы посвящены хирургическому лечению болезней легких, сердца, кровеносных сосудов, медицинской кибернетике.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ДЕТСКИЕ ГОДЫ. СЕМЬЯ И ШКОЛА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

М. Згурская

Николай Амосов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вряд ли кто-нибудь подвергнет сомнению, что именно деяния Николая Амосова на поприще врачевания, медицинской науки и биологической кибернетики в сочетании с самобытным литературным творчеством во многом способствовали подъему интеллектуального имиджа Украины в XX столетии и начале XXI.

Амосов – один из пионеров советской сердечно-сосудистой хирургии – оставил человечеству тысячи спасенных жизней, несколько десятков книг и свою знаменитую гимнастику. Хирург-кардиолог и специалист в области кибернетики, ведущий специалист в СССР по операциям на сердце за годы творческой деятельности провел свыше 6 тысяч операций на сердце, впервые в стране произвел протезирование митрального клапана сердца, создал и первым в мире стал использовать искусственные сердечные клапаны с покрытием. Он автор более 400 научных трудов, среди которых 19 монографий. Его научные работы посвящены хирургическому лечению болезней легких, сердца, кровеносных сосудов, медицинской кибернетике. Широкою известность

Амосову принесла разработанная им самим оздоровительная программа «Три тысячи движений в день», подразумевающая комплекс оздоровительных процедур: трехчасовые пешие прогулки, бег и упражнения с гантелями. Николай Михайлович написал также множество научно-популярных книг. Его произведение «Голоса времен» переведено на более чем 30 языков мира.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ. СЕМЬЯ И ШКОЛА

Николай Михайлович Амосов родился 6 декабря 1913 года в небогатой крестьянской семье в селе Ольхово около Череповца. Как писал он сам в автобиографической книге «Голоса времен»: «Все предки были крестьяне. Мама была акушеркой в северной деревне, недалеко от города Череповца. Жили очень скудно: мама не брала подарков от пациенток. Так она и осталась для меня примером на всю жизнь. Отец нас оставил, поэтому вся семья для меня была в маме. Самый идеальный человек: на всю жизнь. Бабушка научила молиться, крестьянское хозяйство – работать, а одиночество – читать книги».

Сказать, что мать много значила для будущего светила медицины, значит не сказать практически ничего. Его отец, по определению самого Амосова, из полукрестьян-полурабочих, подверженный «семейной страсти» к горячительным напиткам, как уже говорилось, рано оставил семью и не имел на сына практически никакого влияния. Впрочем, обычно приходящая на ум в таких обстоятельствах характеристика маменькиного сынка здесь абсолютно неприменима – сын, воспитанный матерью, взявший от нее лучшие качества и развивший их в превосходной степени, стал выдающейся

личностью во многом благодаря именно ей.

Елизавета Кирилловна Амосова (в девичестве Никанорова) была женщиной непростой судьбы и неординарного характера. Происходила она родом из деревни Суворово Чорозерского района севера Вологодской области. По воспоминаниям Амосова: «20 домов, „медвежий угол“ – буквально! Охота на белку, на лис, на медведей». История этих мест не знала помещиков – крестьяне считались «казенными».

Дед ученого жил довольно зажиточно, имел крепкое, но примитивное хозяйство почти на уровне XIV века: соха, деревянная борона, лошадь, две коровы, десяток овец. Но наемным трудом не пользовались, хоть и хлеба своего не хватало, все работы выполняли члены большой семьи. Имелась даже маленькая лавочка – подспорье к охоте и хозяйству.

В семье Никаноровых было пять сыновей и две дочери. Мать Николая была старшим ребенком. Николай Михайлович вспоминал в «Автобиографии»: «дядя Павел – чекист с 18-го года, дослужился до генерала, арестован, расстрелян в 1937-м. Тетка Евгения – колхозница, посажена „за колоски“, умерла в тюремной больнице. Слышал, что еще двух дядей убили под Сталинградом».

Елизавета Кирилловна родилась в 1884 году. Была не по годам умной и развитой девочкой, очень рано научилась хорошо считать и читать, с детства лучшим времяпрепровождением считала книги. На чтении она и «погорела»: в семейную лавочку, где она как главный семейный счетовод ве-

ла всю бухгалтерию, отнюдь не переполненную покупателями (все-таки «медвежий угол»!), стал захаживать парень из соседней деревни, на литературной почве завязался роман. Пылкость чувств дала свои плоды, а свадьба не состоялась. Родилась девочка – старшая сестра ученого Мария, Маруся. Жизнь Елизаветы после родов сильно осложнилась. Для северной деревни того времени «принести в подоле» – позор, замуж никто не возьмет. Чтобы замолить «девичий грех», бабушка водила ее пешком в Соловецкий монастырь.

Дед решил устроить судьбу дочки: учить. Отвез в город Кириллов к знакомым, нашли учителя, который стал готовить Лизу к экзамену экстерном за четыре класса гимназии. Занималась она много, экзамен выдержала и поступила в школу повивальных бабок в Петербурге. Проучилась там три года и стала акушеркой.

Впоследствии Амосов писал: «В памяти мало что сохранилось из ее рассказов о жизни в столице. Жила очень бедно, но интересно. В Питере мама стала, скажем так, „среднеинтеллигентным“ человеком. И даже – атеисткой, хотя и не воинствующей». дед Никаноров посылал совершенные гроши, на жизнь она зарабатывала дежурствами в клинике при богатых пациентах. Но все равно вспоминала свое студенчество как праздник. Было много бедных слушательниц, они всем интересовались, бегали по лекциям и собраниям, ходили в театры на галерку, читали и спорили.

В 1909 году земство предоставило Елизавете Никаноро-

вой место акушерки фельдшерского пункта в селе Ольхово Череповецкого уезда Новгородской губернии – в 25 км от Череповца. В Ольхово она самоотверженно трудилась многие годы и там же закончила свои дни. Фельдшеры сменились несколько раз, а она так и оставалась той же «Кирилловной» – так ее звали по всей округе.

Работа сельской акушерки была тяжелой, медпункт обслуживал десять-двенадцать деревень и сел в радиусе десяти километров – шесть-семь тысяч жителей. Ближайший врач находился далеко – в Череповце. В медпункте (или «аптеке», как его звали крестьяне) работали фельдшер (который был не всегда) и акушерка. Со слов матери Амосова, в начале двадцатых годов «аптека» оставалась такой же, какой была еще при земстве: три комнаты – ожидальня, приемная, где фельдшер или акушерка вели прием больных, и сама аптека – шкафы с лекарствами, стол, где приготавливались лекарства.

В воспоминаниях раннего детства Амосова мать всегда была в работе – днем прием больных, съехавшихся со всей округи, иногда до трех десятков в день, и даже ночью часто бывали выезды на дом. Основная работа акушерки – принимать роды на дому, от 100 до 150 родов в год. Две трети из них – в других деревнях, иногда за 8—10 километров. Порой она задерживалась на сутки, на двое – у «первородящих». Будущий врач писал: «Мы постоянно жили при родах. Каждый третий-четвертый день мама уезжала или уходила

со своими вещами. Иногда с одних родов прямо на другие, потом – на третьи. По неделям дома не бывала. А мы с бабушкой жили в постоянной тревоге. У мамы за двадцать четыре года работы, на три с лишком тысячи родов, умерла одна роженица. Пятерых она возила в Череповец, там им делали операции, и, кажется, тоже все остались живы. Видимо, деревенские женщины были крепкие, тренированные. Было в интеллигентской среде слово „бессребреник“, тот, кто „не берет“. Акушерки всюду принимали (и теперь грешат!) подношения – „на счастье дитя“. Так вот, моя мама – не брала. При крайней бедности, во все времена. Вообще никогда не видел лжи, хитрости, всегда доброжелательность и доверие к людям. Все о ней так говорили. Не хочется говорить банальности, но работа была главным смыслом в жизни. Она жила жизнью деревни и ни за что не хотела ее менять».

Возможно, что именно эта вошедшая «с молоком матери» реальность медицинского труда и стала толчком к следованию по извилистому и нелегкому пути, приведшему Н. М. Амосова в медицину. Хотя в свои ранние годы он был очень далек от врачебного дела, даже учиться сначала пошел по технической части – первый диплом получил в механическом техникуме, затем учился во Всесоюзном заочном индустриальном институте, – но, видимо, все-таки первые зароненные в душу в детстве зерна бескорыстного служения людям принесли свои плоды и определили призвание на всю жизнь. Амосов в автобиографических книгах (а все его кни-

ги, по сути, автобиографии) писал о своем кредо, идущем от матери – сельской акушерки, не потерявшей ни одной роженицы.

Получив направление в Ольхово и приехав туда, Елизавета Никанорова поселилась со своей будущей подругой – учительницей Александрой Николаевной (Шурой) Доброхотовой, вчерашней гимназисткой. (Впоследствии, когда Николай Амосов уйдет из родительского дома в «самостоятельную жизнь», именно у Шуры Доброхотовой найдет он пристанище, но об этом в свое время.) дружба Лизы и Шуры продолжалась всю их жизнь.

Вскоре состоялось и знакомство Елизаветы с будущим мужем, Михаилом Амосовым. Ему было лет 25, и, как писал о нем впоследствии сын, он был «с претензиями на интеллигентность».

Ольхово было в те годы довольно большим селом – двести домов, центр волости. Главная улица протянулась на три километра, но мостовых не было, и грязь осенью и весной была непролазная, летом – пыль. На самом дальнем конце села над рекой стояла двухэтажная школа, на противоположном – километрах в двух – находился дом семьи Амосовых.

Позже он вспоминал: «Село Ольхово при нэпе помню отлично. Бабушка говорила, что так же было и при царе. Жили бедно. Корова, лошадь, пара овец, куры. Посевы – 3–4 гектара. Многодетные бедствовали: хлеб – не досыта, с добавками картошки. Мясо – только в праздники и в страду. Молоко

– в обреш. Самые бедные одевались в домотканое. Но лапти носили только на покос и в лес – уже была культура. Сельский кооператив с маслодельней и „лавкой“ был центром общения. Правда, была изба-читальня, она же клуб. Кино стали привозить в 1924 г. Разнообразие в жизни создавали престольные праздники. Политических страстей не помню. При нэпе крестьяне были лояльны к власти».

Амосовы были небогаты, но жили сравнительно хорошо: дом крепкий, под железной крышей, имелся «зимний дом» – большая кухня с двумя маленькими светелками и «летний дом» – по городскому типу: кухня и три комнаты. К дому – через сени – примыкал скотный двор с большим сеновалом. На участке был огород и сад с яблонями, малиной и смородиной. Во дворе – свой собственный колодец, над которым высился журавль. Как вспоминал потом Н. М. Амосов, это, «в общем, было нормальное хозяйство, называлось – средняцкое».

По крайней мере два поколения Амосовых, до Михаила Амосова, были полукрестьяне-полурабочие. По семейным рассказам, когда-то предки выкупили себя у барина. Летом они занимались хозяйством, а зимой глава семьи со старшими сыновьями уезжал работать на завод, занимавшийся изготовлением железных изделий. Отец – мастером, сыновья – простыми работниками. Сохранилась чугунная плита на могиле отца: «Мастеру Амосову Ивану». Впрочем, сыновья рано разлетелись из отцовского дома, после чего дед на за-

вод ездил уже один.

Кроме деда с бабкой в семье было три сына и три дочери. Все бы хорошо, но были у мужской половины две страсти – к лошадям и к спиртному. Мать Николая долгое время боялась, что это пристрастие может оказаться наследственным, и переживала за сына.

Азартная страсть к лошадям угасла со смертью деда, а пристрастие к водке перешло к его детям и внукам; пожалуй, только Николай и был свободен от него.

Дед Амосова по отцу был «чудный человек, добрейшей души... кабы только не пил. Но и пьяный был хороший, бывало, в праздник всех зазывал выпить. Лошадей менял. Все цыгане его знали. Будто из-за лошадей и помер: ехал из города в распутицу, гнал... конь был хороший („два часа на небеса!“), провалились под лед, едва выбрались. Стал болеть, водянка, и умер...» Бабушка вспоминала: «Бывало, в войну, уже больной, ходить не мог, везет телегу, сядет верхом, тебя на руки возьмет и скажет: „детки выросли не хозяева, может, ты крестьянствовать станешь?“»

Бабушка Амосова по отцовской линии, Марья Сергеевна, в отличие от деда, была властной женщиной, на ней держалось все хозяйство. Родилась она еще крепостной, но в крепкой семье, грамоте так и не выучилась.

Марья Сергеевна категорически противилась браку между Михаилом и Елизаветой. Она наотрез отказывала Елизавете из-за внебрачной дочери и к тому же имела на примете

богатую невесту для Михаила. Даже уговорила деревенского священника, чтобы тот не венчал молодых, и им пришлось обращаться в другой приход.

Против воли свекрови Елизавета вышла замуж за Михаила Амосова через три года после знакомства. Та сначала невзлюбила невестку – «взяли с приплодом», а век пришлось доживать с ней. Другие дети выросли, отделились, все жили неплохо. Когда отец Н. М. Амосова бросил семью, бабка осталась с Елизаветой и Николкой, не захотела идти к дочерям или к другим невесткам. Умерла она от рака мочевого пузыря, страдала от болей, но Елизавету, устававшую после вызовов, не беспокоила. Амосов вспоминал, что хотя между женщинами не было произнесено много слов – не грешили в семье патетическими речами, – свекровь простила строптивую невестку, они примирились, хотя и поздно.

Хирург вспоминал: «Меня воспитала мама, но вышел я – Амосовым, а не Никаноровым. Получается: гены». От Марьи Сергеевны Амосов унаследовал рациональность и даже в чем-то – прижимистость, силу воли, строгость к себе, умение судить и признавать свои ошибки. Последнее качество красной нитью проходит по всей его жизни.

Дядя и тетки Амосова тоже были весьма интересными людьми, их биографии могли бы лечь в основу семейного романа-хроники. Так, Александр Амосов работал в Питере на заводе и вышел в первоклассные мастера. Талант, умница, изобретатель, он имел патенты и хорошо зарабатывал. Но

пил. В 1918 году вернулся в Ольхово. Там работал механиком на мельнице, поэтому семья его не бедствовала. Но жизни не было. Умер он от пьянства, оставив без средств четверых детей. Младший брат, Иван Амосов, окончил техническое училище в Череповце, то же, что и впоследствии Н. М. Амосов. Был эсером, погиб в 1918 году в стычке с большевиками. Тетя Катя выучилась на акушерку, с ней у Амосова сложились очень теплые отношения, которые прошли сквозь годы. Свою дочь впоследствии знаменитый хирург назовет в ее честь.

Отец Амосова окончил двухклассное училище. Был вполне грамотным, в юности поработал в Рыбинске, у брата Васи, поднабрался культуры. Несомненно, много читал. Вместе с братом Иваном собрал порядочную библиотеку: классика, политика (и Маркс, и Ленин), философия, история. Это собрание книг, прочитанное в юности Амосовым, стало фундаментом его интереса к серьезному научному знанию: «Отцовы книги и меня вывели в люди. Эсеры с их лозунгом: „В борьбе обрешь ты право свое!“».

Николай Амосов родился незадолго до Первой мировой войны, к ее началу в 1914 году ему было восемь месяцев. Время было тяжелое, отпусков по беременности и родам не было. Мать работала очень много, для Николая взяли няньку. Бабушка была против «такого барства», но ей пришлось смириться, тем более что в связи с выездами на роды материнское молоко пропало и ребенка пришлось кормить искус-

ственно. Детская диетология того времени диктовала свои правила, и нянька должна была все делать по тогдашней науке: кипятить, протирать, разбавлять. Поэтому в детстве Николай рос довольно хилым ребенком, переболел множеством детских инфекций, рахитом, однако к школе выправился, окреп и болеть перестал. Но это все еще впереди...

Михаил Амосов сразу ушел на фронт. А через полгода перестали приходить от него письма, «пропал без вести». Но после восьми месяцев молчания пришло известие – из Германии, где он был в плену. Дважды пытался бежать, но неудачно. Из Германии Амосов-старший вернулся только в начале 1919 года, помог Международный Красный Крест. Николай Михайлович вспоминал: «Смутно помню: комната, яркий свет, надо мной стоит мужчина – он кажется огромным. И чужим. Таким и остался для меня на всю жизнь».

После войны и революции хозяйство было в полном упадке – осталась одна корова да куры. Работать было некому: бабушка постарела, мать была занята работой акушерки и заниматься хозяйством могла лишь урывками, нанимать работников со стороны было не на что. Михаил Амосов начал было поднимать разрушенное, он многому научился у немецких фермеров, даже организовал в Ольхове потребительский кооператив и маслобойню, которая просуществовала до 1936 года. Но очень скоро уехал из села – его пригласили в Череповец на ответственную и солидную должность председателя губсоюза кооператоров. Он думал, что благо-

даря новой работе поднимет разрушенное хозяйство, которое находилось в полном упадке, – был куплен новый плуг, кое-что из техники, лошадь, снесена старая «зимовка», начато строительство нового хорошего дома (он так и не был достроен)... Увы, ничего из этих планов не вышло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.